

Овсянников А. А.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

Кравченко С. А.

«СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ЕДЫ».

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Кравченко С. А. Социокультурная динамика еды: риски, уязвимости, востребованность гуманистической биополитики. М.: МГИМО-Университет, 2014. – 198 с.

У меня на столе появилась новая книга. С дарственной надписью автора. Название удивляет. Известный и авторитетный социолог написал трактат о еде [Кравченко, 2014]. После его работ о полипарадигмальной социологии [Кравченко, 2014а], социологии риска [Кравченко, 2009], теории играизации [Кравченко, 2006], теории и механизмов становления общества постмодерна [Кравченко, 2010], социологии сложного общества [Кравченко, 2012], социологических энциклопедических [Кравченко, 2002, 2004] и социологических толковых словарей [Кравченко, 2012а, 2013] размышления о еде кажутся несерьёзным баловством.

Так ли это?

Конечно, наше общество, последние четверть века не знавшее чувства голода, имеет приниженные оценки социальной роли еды. Для нашей молодёжи, представляющее впервые взросшее в России «непоротое поколение», не стоявшее в хрущёвских очередях за двумя булками хлеба, ценность еды и вовсе ничтожна. Если она и есть, то только как удовольствие, только как бодрийяровский симулякр социальной идентификации, только как знак социально-классовой дифференциации разделивших общество по шкале от барского «отобедать» до пролетарского «пожрать».

Вспоминается, однако, и Питирим Сорокин. Для него тема голода и еды не была второстепенной. Напомню, что одной из фундаментальных его работ была книга «Голод как фактор» [Сорокин, 2003], которую возненавидели большевики и уничтожили её. Было за что. Сорокин показал социальные последствия голода как результата революционного безумия и гражданской войны. Вот как он описал впечатления от увиденного в районах поволжского бедствия в своей автобиографии «Долгий путь»: «Зимой 1921 г. я отправился в районы бедствия Самарской и Саратовской губерний для научного изучения массового голода...

Я видел голод и знаю теперь, что это значит. Моя нервная система, привыкшая ко многим ужасам в годы революции, не выдержала зрелища настоящего голода миллионов людей в моей опустошённой стране... Я многое приобрёл просто как человек, и ещё больше укрепился во враждебном отношении к тем, кто принес такие страдания людям» [Сорокин, 1991: 153–154].

Получается, что Шиллер был прав:

*Что б нас в несчастья не вовлечь,
Природа неотступно
Сама крепит взаимосвязь,
На мудрецов не положась.
И чтобы мир был молод,
Царят любовь и голод!*

Собственно, книга профессора Кравченко об этом. О том, что в мире по-прежнему актуальны два центра сил. Голод и любовь. Впрочем, и Голод, и Любовь в мире амбивалентности постмодернизма сильно подзабыты, истрёпаны и вовсе кажутся не актуальными. Автор же заявляет о «необходимости переоткрытия места и роли еды в нашей жизни, обусловленной как объективными изменениями в потребляемых продуктах питания, так и субъективными, культурно сконструированными смыслами о «нормальной» еде...» [Кравченко, 2014: 6]. Идея автора проста и амбициозна: показать смыслы и социальную роль еды в новом глобализирующемся, рискоопасном и сложном мире постмодерна.

Конечно, это правда, что еда в человеческой истории трансформировалась от «вещи – в – себе» как биомассы, потребляемой для поддержания жизни до «вещи – для» человека как ресурса, уже нагруженного не только калорийной утилитарностью, но и социальностью и ментальностью [Кравченко, 2014: 13]. Еда стала символом статусности, национальной идентичности, гедонизма, порока и греховности. Еда – это и наслаждение, но и враг. Особенно для людей, стремящихся похудеть, подгоняя своё тело под искусственные нормы – симулякры красоты человеческого тела. Впрочем, Кравченко реалист и понимает, что такая трансформация произошла не для всех. Только для народов стран «золотого миллиарда».

В гигантском глоболокальном мире, в котором проживает вот уже более 7 млрд человек, еда является по-прежнему ресурсом выживания. Голод сегодня – это вовсе не мальтузианские пророчества, а реальность. Сегодня, по разным оценкам, голодает то ли 0,8 млрд человек, то ли и вовсе 1,2 млрд человек. В мире с доминированием либеральной экономической политики, ставящей во главу угла желания человека и обслуживания потребностей его тела как центра биополитической реальности, рост экономики не ограничен. Только потому, что не ограничена жадность человека как потребителя, так и жадность производителя. Ненасытность человека медленно ведёт к катастрофе: «Мировая экономика уже настолько вышла за пределы устойчивости, что времени на детские фантазии о бесконечном мире уже не осталось. Мы знаем, что привести мир в устойчивое

состояние – очень непростая задача. Для этого потребуются такие же фундаментальные изменения в сознании людей, какими в своё время были сельскохозяйственная и промышленная революции. Единственный реально возможный путь – привести потоки, поддерживающие существование человека, в соответствие с допустимыми уровнями. Либо мы это сделаем сами, либо природа это сделает за нас – наступит нехватка продовольствия, сырья, энергии или среда станет неблагоприятной для проживания» [Медоуз, Рандерс, Медоуз, 2007: 41–42].

В циничном мире тотального маркетинга природа становится просто «предметом труда», ресурсом для получения прибыли. В среднем «экологический след»¹ жителя Земли сегодня равен 2,1 глобальному гектару (гга). Уровень же уже достигнутого потребления обеспечивается 2,7 гга. Иными словами, воздействие глобальной экономики и деятельности человека почти на 30% превысили способность Земли предоставлять «экологические услуги». Мы уже проедаем природные запасы. В США же экологический след равен 9,45 гга. Это означает, что желание достигнуть такого же уровня потребления как в США для всех обитателей Земли потребует площади, равной 4,5 земных площадей! Но такое невозможно даже в представлениях клинического оптимиста.

Вспоминаю великого Аурильо Печчеи: «Я отказываюсь поверить, что мир, в котором накоплено достаточно знаний и средств для выдвижения целей и разработки стратегии, позволяющей избежать катастрофы и обеспечить благополучие для всего человечества, что такой мир окажется в конечном счёте неуправляемым» [Печчеи, 1985: 202]. Если не произойдут трансформации в мире доминирующих человеческих ценностей, то судьба человечества и мира становится трагически обречённой.

Книга Сергея Александровича системна и завлекательна. Ну, кого может равнодушным оставить тема еды. Особенно, когда речь идёт о еде как социально-классовом и национальном идентификаторе [Кравченко, 2014: 22, 104].

Кушать любят все. Страсть к еде как антитеза голоду у некоторых народов доведена до гастрономического совершенства. Национальная гастрономическая традиция может возникнуть только у развитого народа – и именно в его культурном слое. В дореволюционном российском мире это были дворянство, интеллигенция, офицеры, купечество

¹ Экологический след – это понятие, отражающее потребление человечеством ресурсов биосферы. Он измеряется площадью (в гектарах на душу населения Земли) биологически продуктивной территории и акватории, необходимой для производства возобновляемых биоресурсов и утилизации наших отходов.

и духовенство. Афоризм о том, что «все бедные едят одинаково, все богатые – по-разному», никакая не укоризна и не марксистский лозунг, а просто констатация того, что еда нагружена значимыми социальными ролями. Гениальная русская классика демонстрирует и красоту, и национальность, и порочность русского застолья. Вот как обедал, к примеру, Евгений Онегин:

*Вошёл: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток,
Пред ним roast-beef окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Стразбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.*

В отличие от аристократа Пушкина Гоголь был «почвенным» русским хохлом-патриотом и его герои уже не так статусно-трепетно относятся к Его Величеству Еде. Вот откровения Собакевича: «Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму её в рот, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа. Это всё выдумали доктора немцы да французы, я бы их перевешал за это! Выдумали диету, лечить голодом! Что у них немецкая жидкостная натура, так они воображают, что и с русским желудком сладят... У меня не так. У меня когда свинина – всю свинью давай на стол, баранина – всего барана тащи, гусь – всего гуся. Лучше я съем двух блюд, да съем в меру, как душа требует».

А вот оценка Чеховым способностей интеллигенции «правильно» отобедать была уничижительной: «Ежели, положим, вы едете с охоты домой и желаете с аппетитом пообедать, то никогда не нужно думать об умном; умное да учёное только аппетит отшибает. Сами извольте знать, философы и учёные насчёт еды самые последние люди и хуже их, извините, не едят даже свиньи».

К автору книги, профессору Кравченко, это высказывание не имеет никакого отношения. Конечно, автор не мог не заметить и того, что «еда и её язык изменились вместе с моралью, базовыми представлениями людей о добре и зле... Этот процесс поддерживался и дополнялся утверждением в западной культуре «людей с рациональной нравственностью» [Кравченко, 2014: 25–27].

В романе «Братья Карамазовы» Достоевский показывает великую борьбу между бездной божественного порыва и бездной дьявольского грехопадения. Кульминация этой борьбы показана в Поэме о Великом Инквизиторе. Инквизитор спрашивает Иисуса, зачем он пришёл мешать им, когда люди только начали слушаться и думать, что они свободны. Инквизитор говорит, что это у них получилось потому, что они последовали советам умного дьявола, искушавшего Иисуса в пустыне. В Евангелии написано, что после крещения в Иордани Иисус удаляется в пустыню для молитвы. Через сорок дней появляется дьявол, который искушает его. Дьявол говорит Христу: «Если ты Сын Божий, скажи, что камни сии сделались

хлебами», на что Иисус отвечает: «Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих». Иисус рассудил, что свобода не может существовать, если послушание куплено хлебами. Но инквизитор приходит к выводу, что люди всё равно придут к нему, инквизитору и будут слушаться его, потому что он будет их кормить, ведь никакой Хлеб небесный не может сравниться в глазах слабого, вечно порочного, вечно голодного и вечно неблагодарного людского племени с земным хлебом. Здесь Голод побеждает Любовь. Догадывался ли Шиллер о том, что его пророчество исполнится так скоро?

Это воспоминание о великом Инквизиторе является воспоминанием о сегодняшних практиках обыденной экономической жизни. В ней бренды стали Богами. В ней величие личности человека определяется его потреблением. Качество личности измеряется качествами еды. Еда становится виртуальностью, символом, знаком: «В потребительском обществе нет таких символов, которые бы не были товаром» [Кравченко, 2014: 74]. Еда — это успех, идентификация и самоидентификация, статус, элитарность, порок и удовольствие. Но еда может стать символом неудачи, жизненного провала. Еда как «жратва». Еда — это современное воплощение Бога. Или дьявола.

Есть ли выход из этой драматической ситуации самоистребления и уничтожения Земли? Какие решения возможны для того, что бы избежать развития по апокалипсическим прогностическим трендам?

*Прошиб меня холодный пот
до косточки,
И я прошёлся чуть вперёд
по досточке,
Гляжу — размыли край ручьи
весенние,
Там выезд есть из колеи —
спасение!*

В. Высоцкий

Профессор Кравченко не только социальный диагностик, но и, что важнее, социальный модельер, лекарь. Лекарь не узкоспециальный, а системный: «необходимо «лечить» не отдельные явные или латентные проявления современной биополитики неолиберального толка, а осуществить переход к принципиально иной — гуманистической — биополитике, имея в виду стратегическую нацеленность на гуманизацию социума и природы» [Кравченко, 2014: 182].

Гуманизм как культура, как традиция, как социокультурная платформа любой мировой религии не нова. Мыслители, пророки, интеллектуалы мира едины в том, что гуманизм спасёт мир. Профессор

Кравченко из их числа: «Полагаем, в качестве мобилизационного ресурса выхода из нынешнего кризиса могла бы стать идея перехода к новой социокультурной системе, основанной на Братстве, Свободе и Гуманизме. При том, что гуманизация человеческих отношений явилась бы стержнем новой Национальной идеи и новой биополитики, спланивающей все слои россиян» [Кравченко, 2014: 161].

Может ли Любовь победить Голод?

Кто-то, прочитав этот вывод, задумается. Кто-то опечалится, представив завалы человеческих грехов и пороков, честолюбий и тщеславий, жадностей и похотей, голода и обжорства. Кто-то презрительно улыбнётся, посчитав это очередным нравственным призывом, голосом, вопиющем в пустыне. Я же вспомнил великого кумира моих студенческих годов, Ж.-П. Сартра: «У человека в душе дыра размером с Бога, и каждый заполняет её как может» [Сартр, 2006: 124]. У одних эта дыра маленькая, у других большая. У одних и Бог карманный, а у других он размером со вселенную. С позиций Сартра не так важно, верит ли человек в Бога, важнее то, чем он заполняет эту сартровскую дыру. Одни заполняют её безнравственным хламом и мелкими человеческими страстишками. Другие – творческими муками поиска дороги к Свободе, Братству и Гуманизму. Профессор Кравченко в своей книге показал, что он из тех, из сартровских Других. Бог ведь это то, что у вас в душе, не так ли?

Книга закончилась. Понял, что время провёл не зря. Интересный взгляд на обыденность Еды, но сколько при этом социальных явлений и проблем вскрыл автор! Книга не занудная. Написана хорошим русским языком. Убеждён в том, что эта книга является творческой удачей Сергея Александровича Кравченко.

*Книгу читал, размышлял и писал на полях заметки
по поводу прочитанного, и вовсе без всякого повода
профессор Овсянников А. А.
19.11.2014 г.*

Список литературы

Кравченко С. А. Социокультурная динамика еды: риски, уязвимости, востребованность гуманистической биополитики. М.: МГИМО-Университет, 2014. – 198 с.

Кравченко С. А. Нелинейная социокультурная динамика: игризацияционный подход. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2006. – 172 с.

Кравченко С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М.: Анкил, 2009. – 224 с.

Кравченко С. А. Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 402 с.

Кравченко С. А. Социологический толковый англо-русский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2012а. – 690 с.

Кравченко С. А. Социологический толковый русско-английский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2013. – 914 с.

Кравченко С. А. Социологический энциклопедический англо-русский словарь. Более 15 000 словарных статей. М.: РУССО, 2002. – 512 с.

Кравченко С. А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. Более 10 000 словарных статей. М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2004. – 511 с.

Кравченко С.А. Социология в 2-х тт. т. 1. Классические теории через призму социологического воображения. М.: Юрайт, 2014а. – 584 с.

Кравченко С.А. Социология в 2-х тт. т. 2. Новые и новейшие социологические теории через призму социологического воображения. М.: Юрайт, 2014а. – 636 с.

Кравченко С. А. Становление сложного социума: к обоснованию гуманистической теории сложности. Монография. М.: МГИМО-Университет, 2012. – 306 с.

Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. Москва: Академкнига, 2007. – 342 с.

Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. – 312 с.

Сартр Ж.-П. Тошнота. СПб.: Азбука-классика, 2006. – 256 с.

Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia&LVS, 2003. – 684 с.

Сорокин П. А. Долгий путь. Сыктывкар, 1991. – 304 с.

